

# СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ

В фойе Свердловского театра кукол с огромными, от пола до потолка, окнами висят рисунки. Их сделала не рука профессионала. Просто у самых маленьких свердловчан после знакомства с той или другой постановкой появилось острое желание поделиться своими впечатлениями. И они берутся за бумагу, кисти, карандаши. На белых листах оживает то, что запомнилось больше всего, что заставляло волноваться, переживать, думать о сказочных или реальных героях после того, как они скрылись за ширмой и занавесом.

МНЕ думается, этот зримый след общения театра с дошкольниками и школьниками в какой-то степени может служить и мерилем успехов, одержанных коллективом во главе с главным режиссером Ю. Набоковым.

Нет, я не боюсь театр от критических замечаний. В свое время, да и сейчас, его, очевидно, правильно упрекали в репертуарных срывах и провалах. Действительно, даже с учетом всех реальных трудностей с выбором пьес для кукольных спектаклей можно и нужно быть и требовательнее и взыскательнее. Очевидно, театру не вредно помнить и о том, что искусство кукольников любимо не только малышами. Взрослым оно тоже по душе, в чем, кстати, коллектив убеждал в прошлом его же собственные работы, ну, хотя бы «Голый король» по Е. Шварцу...

Вероятно, есть доля истины и в упреках театру по поводу увлечения творческим экспериментом ради эксперимента. Иногда пристрастие к постановочным эффектам явно идет во вред глубине и ясности режиссерского прочтения пьесы, разработке характеров исполнителями отдельных ролей.

Но опять-таки за всем этим нельзя не заметить и безусловного творческого роста, уверенного возмужания коллектива, упорно ищущего свое лицо, способного на создание спектаклей умных и добрых,

берущих, как говорят, за живое.

И об этом думалось всякий раз, когда спектакли будто шли без ширмы, когда театральное действие воспринималось, как подлинное, в котором и сам участвуешь вместе с актерами. Такие минуты угадывались безошибочно. Ведь ребята — народ особый, непосредственный, легко воспримчивый. И, стало быть, они искренне негодовали на Бабу-Ягу из «Царевны-Лягушки», если топали ногами в сценах, где она строила козни Ивану-царевичу. Стало быть, им был симпатичен Аладдин, коль скоро секунду назад шумевший зал, вдруг затаив дыхание, следил за опасным путешествием героя, ищущего волшебную лампу.

Такие моменты тишины или взрыва ребячьих эмоций были и на инсценировке «Хозяйки Медной горы», и на «Голубом щенке»... Словом, на каждом из спектаклей, просмотренных мной во время обычной, рядовой рабочей недели театра. Память добавляла к этим «семи дням в мае» впечатления от премьер, виденных ранее. В михалковской комедии «Смех и слезы» коллектив предпринимал попытку создать спектакль, где куклы играли бок о бок с живыми актерами. В «Снежной королеве» новый молодой режиссер Р. Виндерман попробовал прочесть сказку Андерсена в масках.

Впрочем, за последние годы труппа театра не раз доказывала, что ее молодость настолько не мешает творческой щедрости. Э. Еремеев, А. Герасимов, Г. Шатковская, Л. и В. Тарасовы, Л. Потапова, В. и Т. Кач, Н. Лялин, Л. Горшенина, Б. Сорочкин, И. Грачева, Т. Ахлюстина — этим и другим актерам Свердловского кукольного театра обязаны ребята желанию брать за карандаш, рисовать героев сказок, стучать ногами

об пол на негодаев, аплодировать добрым, сильным, смелым...

И все-таки «семь обычных дней», проведенных в зале, в общем-то и немало огорчили. В большом и в мелком. Хотя как отделить одно от другого? Когда почти ни на одном спектакле не продавались программы, да и в фойе не были вывешены фамилии исполнителей, когда на спектакле «Ослик Плюш» из-за ширмы были видны макушки актеров, ведущих кукол, то это, на мой взгляд, столь же вредило репутации театра, как и огрехи «высокого» профессионального плана.

Остановлюсь на этих, последних. В частности, на том, что умеют куклы свердловчан. Точнее — чего они не умеют. А об этом стоит поразмышлять. Ибо совсем не редкость, когда игровые и выразительные возможности кукол до обидного ограничены.

Опять не стану пользоваться одними черными красками. В том же «Ослике Плюше» действует изумительный Загадочный Заяц. Когда он думает, то буквально... теряет голову. А от радости его пушистое тельце начинает вращаться юлой.

Так вот, всегда ли в персонажах кукольных спектаклей есть такая зрительная и смысловая «изюминка»? К сожалению, далеко не всегда. В том же «Ослике Плюше» то и дело видишь себя на мысли, что поведение героя явно противоречит его собственным словам. Да и как иначе. Ведь и здоровый, и больной Плюш выглядит одинаково. В зал летят слова о повисших, как рукавички, ушах. Но даже этого не дано. Писшу художницей С. Коломиец. А умей Плюш «болеть», опускать и поднимать уши, моргать глазами, открывать рот... Как интересно можно было бы сыграть многие эпизоды, к примеру, ту же сценку с доктором, осматривающим заблужденного ослика, который, как и все малыши, боится открывать рот, ставить градусник и прочее и прочее...

А вспомните спектакль по сказкам Бажова? Здесь «статичность» кукольных портретов наносит существенный ущерб главной мысли спектакля. Ведь то, что дед Прокопич не способен гранить камень с вдохновением талантливого мастера, невольно превращает его просто в бытового ворчливого старичка. Такое же смещение акцентов привносит с собой ограниченные возможности кукол в образы Данилы и Медной горы Хозяйки.

Так стоит ли удивляться из-

лишнему и тревожному холоду на иных спектаклях? И не стоит ли главному режиссеру Ю. Набокову, главному художнику театра В. Коркодинову прислушаться вместе с актерами к реакции зала, неожиданной и бурной в минуты, когда «статичный» Аладдин, лежа на животе, вдруг смешно заболтает ножонками, а приказчик Северьян от гнева устрашающе задвигает усами?

Мне довелось присутствовать на встрече журналистов Свердловска с артистами театра Образцова. Образцовцы называют своих «питомцев» — кукол, которые могли курить, пить и пить, танцевать, звонить по телефону, увлеченно играть на ролях. Иногда для этого приходилось делать до полутора десятков «дублеров» — по одному на жест, на движение, фразу.

— Иначе нельзя, — объясняли москвичи. — И не только потому, что зрителя надо непременно удивить. Но прежде всего потому, что выразительные возможности кукол не должны сковывать творчество актеров. Система Станиславского в равной мере система театра кукол, как и любого театра вообще.

Применительно к практике и результатам Свердловского театра это замечание представляется весьма злободневным. Я вовсе не собираюсь ориентировать коллектив на механическое заимствование средств и красок. Копировать никого не нужно. Пусть не образцовским, своим путем, — но только, как воздух, необходима предельная разносторонность дарования «маленьких человечков» над ширмой. В интересах актера, прежде всего.

С другой стороны, теперь уже в интересах нынешних и будущих «детюшек папы Карло», имеет смысл пристальнее взглядеться в то, что делается за ширмой, поскольку и у актеров есть вина перед куклами.

Разве можно мириться с тем, что на увиденных спектаклях исполнители частенько нарушают законы сценического общения, что переживания и характерность подменяются грамотным произношением текста и приблизительной пластикой, что «деланные» кукольно-тонкие голоса персонажей плохо слышны, режут слух дикционной нарядливостью и монотонностью интонаций?

Недостаточный общий уровень мастерства, отсутствие подлинного ансамбля на некоторых спектаклях нет-нет да и натолкнет на крамольную

мысль о том, а сможет ли театр осилить сложный по драматургии и образам мир «взрослой пьесы» типа «Ревизора», над постановкой которого всерьез задумывается коллектив.

И еще одно, что тревожит, — элемент некоей сухости, заученности, холодности актерского почерка, что ли...

Внешне роли играют вроде бы верно, персонажи вовремя плачут, вовремя смеются. Но нет во всем этом огонька, азарта, неистощимой выдумки, увлеченности, если хотите, озорства, без которых кукольный театр перестает быть увлекательнейшим и захватывающим зрелищем.

Я вспоминаю того же «Голубого щенка». Это был третий спектакль за день. Мне не надо доказывать, как это трудно даже чисто физически — ТРИЖДЫ в день играть одно и то же. Очевидно, театру стоит серьезно задуматься над практикой проката спектаклей на стационаре и выездом. Но...

Мне опять приходит на память спектакли театра Образцова. И там на плечах актеров лежала колоссальная гастроляная нагрузка. Только они не чувствовали ее. И не только из-за великолепного профессионального тренинга. Просто они жили, упивались работой, театром. И вряд ли даже в минуты наивысшей усталости и напряжения кто-то из них осмелился бы сказать: «Меня тошнит от этих бесконечных зверюшек с долбежными галошами и без оных».

В этом смысле опыт, традиции, цели, вся атмосфера театра Образцова — поучительный и бесценный образец, которому не грех подражать на все сто.

Вот почему так важна активная роль режиссера Свердловского театра, его руководства, лучше, чем кто-либо другой, обязанных понимать, что творчество — это труд и труд, это воспитание коллектива единомышленников, где заслуги каждого находятся в прямой зависимости от бескорыстного служения искусству.

\*\*\*

Семь дней, неделя жизни театра... Естественно, эти заметки не могут претендовать на широкие обобщения и исчерпывающие выводы. Мне просто захотелось искренне поделиться тем, что порадовало и огорчило. На финише сезона иногда это бывает полезно.

Л. МАКОВКИН.